

С появлением старой Ма на площадке воцарилась короткая тишина. Все, кто собрался посмотреть на заварушку — и старики, и молодёжь, — тут же уставились на эту вечно скандалящую бабку, с живым интересом ожидая, какую комедию она разыграет на этот раз. Ещё сильнее хотелось увидеть, как поступит Чжун Мин — ведь теперь перед ним стоял не просто Фэн Бао, а сама Ма, грозная и пронырливая старуха.

Старуха Ма держалась на плаву в деревне благодаря двум вещам: возрасту, дающему ей право на шум и наглость, и давней дружбе её покойного мужа с деревенским старостой. И стоило ей встать грудью перед кем-то — всё, хоть что случись, хоть сам украденный товар окажется у неё в лодке, выцарапать его назад уже никто не сможет.

Она повыла немного, но, видя, что сцена идёт вхолостую, а публика вяло смотрит на её представление, резко сменила тон: взвизгнув, кинулась к Фэн Бао и, зажав того в объятиях, залилась новым воплем:

— А-Бао мой! Да за что же тебя так изувечили! Кровь, гляньте, сколько крови... ах, хотят моей смерти! Конец мне пришёл!

— У него, кроме ссадины на губе, ни одной царапины, — спокойно отозвался Чжун Мин, приподняв уголки губ в холодной насмешке.

Он посмотрел на Фэн Бао, который всё так же валялся, сжавшись в комок, играя роль страдальца, и сказал громко, чтобы слышали все:

— И ты называешь себя мужчиной? На воровство хватило духу, а ответить за себя — нет? Увидел беду — и сразу за бабкину юбку? Жаль тебя. Но ты напоролся не на того. Если не вернёшь мне всех лобстеров до последнего — хоть я тебя и не убью, но лишу тебя половины твоей жизни. И кто тогда сможет меня остановить?

Голос у Чжун Мина был холоден, в тоне сквозила надменная уверенность, и от его слов Фэн Бао заметно вздрогнул, как от ледяного ветра — каждый мог это увидеть.

Старуха Ма, как наседка, расправила руки, встала перед внуком грудью, задрал подбородок и хрипло выкрикнула:

— Ах ты, Чжун Мин! Всё такой же забияка, всегда силой берёшь! Раз за разом! Разве можно так? Ты кричишь, будто наш А-Бао украл твоих лобстеров! Я тебя вот о чём спрошу: ты своими глазами видел, как он крадёт? Море — оно ж большое, что ж теперь, все лобстеры на свете только твои, что ли?!

Но прежде чем кто-то успел подхватить её речь, вдруг послышался другой голос — не громкий, но ясный, такой, что все разом обернулись.

— Я видел.

В одно мгновение все взгляды обратились к говорившему, и Чжун Мин, узнав этого человека, удивлённо приподнял брови — не ожидал.

Су И давно привык к чужим взглядам — в деревне он всегда был под прицелом пересудов. Но сейчас всё было иначе. Он мельком встретился с Чжун Мином взглядом, стараясь сохранить спокойствие, хотя напряжение сковывало всё тело, и от волнения у него подрагивали даже пальцы.

Он глубоко вдохнул, стараясь выровнять дыхание, и, обойдя толпу, вышел вперёд. Остановился, оставив между собой и Чжун Мином пару шагов, и, собравшись с духом, продолжил:

— Я сегодня утром пошёл к каменистому пляжу под южной скалой — искать на отливе. Там и увидел, как Фэн Бао возвращался с южной стороны, в руках у него было несколько крупных лобстеров. Ловлей на крючок столько не достанешь, такие уловы — только с погружением. Но на нём тогда и одежда, и волосы были сухие.

Кто-то из толпы, не упустив шанса разжечь огонь посильнее, вскинул голос:

— А ты сам скажи, во сколько это было?

Су И на мгновение задумался, затем осторожно ответил:

— Примерно два кэ (полчаса) назад.

В деревне и так хватало тех, кого Фэн Бао уже обворовывал. И теперь, видя, как Чжун Мин решительно не даёт ему спуска, многие невольно встали на его сторону — пусть и молча. То, что обычно тихий и незаметный Су И вдруг решился выйти вперёд и открыто указать на вора, всех удивило, но, по сути, это было только к лучшему. Подумалось: какая теперь разница, кто там «несчастливый» или «проклятый» — вот же, человек говорит дело.

К тому времени один из самых расторопных зевак уже успел сбегать к дому старосты и наплёл, что Фэн Бао украл у Чжун Мина что-то дорогое, и те двое так сцепились, что аж кровь пошла! Староста испугался не на шутку — сандалии толком не натянул, босиком едва поспевал, и к тому моменту как раз прибежал к месту ссоры.

Только он показался, как старуха Ма тут же, словно увидела избавителя, заломила руки и с рыданиями бросилась к нему:

— Староста, вы должны помочь нам! Нас с внуком притесняют, спасите нас!

Староста вздохнул и мысленно выругался: «Вот ведь, как нарочно... Фэн Бао снова ввязался в проблемы, да ещё и с Чжун Мином — этим упрямцем, который слова назад не возьмёт». Он понимал: тут так просто замять не получится, особенно теперь, когда объявился свидетель.

При нём же Су И вновь спокойно изложил, что видел утром. И на этот раз — уже без заминок, с ясной, уверенной речью. Слова его звучали убедительно, прямо, и даже те, кто поначалу отнёсся скептически, теперь слушали его с новым уважением.

После слов Су И несколько человек из толпы тоже заговорили, подтверждая: в то самое время действительно видели, как Фэн Бао проходил мимо, неслись сплетни, кто-то разглядел лобстеров в его руках и тоже удивился — уж больно крупные. Но главное — все, как один, подтвердили: у него на теле и волосах не было ни капли воды. Если что и было мокрым, то разве что подошвы.

— Что, лобстеры сами из моря в объятия к нему прыгнули? — отпустил кто-то едкое замечание.

— Да уж! Даже если удочкой ловить — таких не достанешь. Да ещё и сразу несколько. Тут без ныряния в логово не обошлось!

Дело стало очевидным. Староста понял, что на этот раз дело просто так не замять. Пришлось уступить — согласился, что надо пойти на лодку Фэн Бао и осмотреть её. Чтобы не вызвать подозрений в пристрастии, он послал туда собственного внука — тот был ни из семьи Чжун, ни из семьи Фэн, что смотрелось как нейтральный выбор. Тот быстро вернулся с новостями.

Стоит понимать, что лодка — не дом: прятать там особо негде. К тому же сам Фэн Бао толком и не пытался скрыть улов. Стоило зайти, и всё сразу стало ясно. Ведро лобстеров — девять штук, целёхоньких. Чжун Мин подошёл, открыл ведро, поднял одну из особей и повернул к толпе:

— Когда я ловил лобстеров на дне, ко мне подплыла бисса и попыталась вытащить их из моего сачка. Вот этот — тот самый, у него на панцире след от укуса.

Староста бросил взгляд на лобстера, затем кивнул нескольким старым рыбакам из толпы — тем, кто всю жизнь в море, кто рыбачил полвека и знал, как выглядят морские создания, покусанные черепаками. Те вышли вперёд, осмотрели добычу Чжун Мина и, переглянувшись, подтвердили:

— Верно говорит. Это — след от черепашьего укуса. Такое не подделаешь.

Улики были налицо, показания свидетелей — ясные и прямые, доказательства — лежат в ведре. Толпа шумела, но уже не с зевотой, а с подступающей определённой ясностью: всё стало ясно как день. Староста тяжело вздохнул. Он понимал: если сейчас, при всех, снова попытается прикрыть семью Фэн — народной злобы не избежать. И тогда ему самому не усидеть на своём месте, и титулу «староста» — конец.

Старуха Ма сразу уловила перемену — по лицу старосты, по молчанию, по отсутствию поддержки. И тут же как по сигналу бухнулась на землю, заорала, завывала, принялась биться, качаться и закатывать глаза, проклиная свою судьбу, взывая к небесам:

— Ах мы, несчастные, бедные! Что ж вы нас бросили — и мой муж, и сын мой! На кого ж вы нас покинули — двух страдальцев, обездоленных, брошенных, всем надоевших!

Она вцепилась в Фэн Бао и уже всерьёз редела — из ложных слёз сделались настоящие, разгорячённые истерикой. Тот прижался к ней, прячась от всех. Кто не знал всей подноготной, мог бы и вправду поверить, что внук пострадал невинно. Лицемерие в этой паре было таким плотным, будто слепленным в один щит.

— Кто тронет моего А-Бао — тот на мою старую голову смертный приговор подписывает!

С этими словами старуха Ма уже метнулась в сторону моря, с воем бросаясь вперёд — явно собиралась упасть в воду. Но Чжун Чунься стояла недалеко и среагировала мгновенно: как-никак, тоже женщина, тут стесняться нечего — она рванула вперёд, обхватила старуху за талию и с силой потянула назад. Одновременно обернулась и закричала:

— А вы что застыли?! Стоите как вкопанные! Кто-то хочет, чтобы она и вправду утопилась?! Быстро сюда, помогите удержать!

На крик отозвались сразу — и женщины, и геры, и молодые, и старшие: бросились с разных сторон, схватили старуху Ма и потянули обратно, кто за руки, кто за плечи. Вскоре вся эта сцена из надуманной трагедии превратилась в полную суматоху.

А тем временем Фэн Бао, стоя рядом, отчаянно звал:

— Бабушкааа!

Но не успел он двинуться, как Чжун Мин стиснул его за воротник, поднял, как мешок, и швырнул прямо к ногам старосты. Тот едва успел отпрянуть, чтоб не получить в лодыжку, поперхнулся, и, заикаясь, попытался перевести всё в мирное русло:

— Чжун Мин... ну ты ж вроде уже вернул своё, и проучил человека — может, давай... и закончим на этом?

Но Чжун Мин даже не дал ему договорить.

— Сначала крадёт иголку — потом возьмётся за золото. Такую истину и трёхлетний ребёнок знает. Вряд ли старосте нужно, чтобы я, юнец, напоминал ему, что к чему.

У старосты потемнело лицо — сдержанная злость сквозила сквозь натянутое выражение «власти». Щёки покраснели, но вид сделать пришлось, будто он всё ещё держит ситуацию в руках. Он фыркнул, чуть нахмурился и с раздражением выдал:

— Раз уж ты тут у нас такой решительный, знаток — ну и скажи, как, по-твоему, стоит с этим поступить?

— Всё просто, — спокойно произнёс Чжун Мин. — Как положено, так и поступим. У закона есть чёткие правила: ворует — значит вор, чем больше украл, тем больше ударов полагается. Сегодня я лишился добра на два ляна — а может, староста поинтересуется у других, кого ещё обокрали? Посчитаем в сумме — может, и на добрую круглую цифру наберётся.

Он говорил ровным тоном, лицо оставалось невозмутимым, но каждое слово — как отмеренное, твёрдое.

— А если старосте лень, — добавил Чжун Мин, — не хочет тащиться в деревню, я могу и сам это уладить. Я там часто бываю, может, и не господин какой, но пара человек есть, кто со мной считает нужным поговорить.

У старосты по спине прошёл холодок. Он-то знал, какие люди сидят в уездной управе: чиновники там не слушают, пока не положишь монетку. И если Чжун Мин сам туда явится, с его-то сообразительностью — не проведёшь. А ещё хуже, если он всерьёз озлобится и сунет чиновникам при канцелярии парочку монет, велит бить не по правилам, а с размаху... Да так отдубасят, что от Фэн Бао одно имя останется. А после эта старуха Ма совсем на шею старосте сядет - будет к его лодке ходить да головой о стены биться день за днём.

Он мигом переменялся в лице:

— Я ж, как-никак, староста Байшуйао. Раз случилось, значит, мне и решать.

— Ну, тогда побеспокою, — ответил Чжун Мин без тени улыбки, с вежливой холодностью.

Он скользнул глазами вниз на сжавшегося у ног Фэн Бао, задержал взгляд на мгновение и с явным презрением отвёл его в сторону.

Дело было решено. Староста и глазом не успел моргнуть, как его окружили те, кто в своё время тоже пострадал от Фэн Бао: кто-то вспоминал, что у него исчезали связки рыбы, кто-то — что пропали креветки из сетей, кто-то — что бельё с лодки унесли. Все наперебой требовали, чтобы удары сосчитали щедро, не жалели доски. А кое-кто уже пошёл прямо к старухе Ма, грозно требуя, чтобы та выкладывала деньги за причинённый ущерб.

Старуха Ма, как и следовало ожидать, вовсе не собиралась сдаваться. Она тут же начала поносить всех подряд, кто подвернулся под руку, включая предков старосты до восьмого

колена. Всех, кто оказался слишком близко, она окатила плевками, а одному бедолаге умудрилась ногтями заехать по лицу, оставив кровавую царапину.

Но не на тех напала: нашлись и те, кто был не намерен терпеть. Один за другим люди стали отвечать — кто пощёчиной, кто за космы ухватил, и пошла настоящая потасовка. Унять их было решительно невозможно.

В этом хаосе уже никто не следил за тем, куда подевались Чжун Мин и Су И.

А вот Чжун Чунься сумела выбраться из толчеи. Её лицо пылало гневом, но, к счастью, она успела увернуться от плевков старухи и отделалась без потерь. Окинув взглядом округу, она уже собиралась позвать племянника, чтобы вернуться вместе, как вдруг, пройдя несколько шагов, заметила его вдалеке: тот стоял рядом с молоденьким гером. Цвет одежды и фигура последнего сразу напомнили ей о Су И из семьи Су.

Подумав об этом, она мигом вспомнила, что именно этот молчаливый гер только что выступил в защиту Чжун Мина, став решающим свидетелем. Если бы не он, староста, пожалуй, и впрямь смог бы всё свести на нет. Чжун Мин должен был поблагодарить его как следует.

Чжун Чунься была женщиной не глупой. Ей и говорить не надо — с одного взгляда всё поняла. Потому и не пошла их звать: не хотелось мешать, портить момент.

Разве мог Чжун Мин знать, что всё, что он делает, уже полностью попало в поле зрения второй тётки? Когда началась суматоха, его первая реакция была — оттащить Су И в сторону, иначе, если тот окажется втянут в гущу событий, такого хилого гера могли бы просто раздавить, как водоросль.

Поэтому стояли они теперь уже не на деревянном мостике между лодками, а в укромном месте на берегу.

— Спасибо тебе за то, что вышел вперёд. Если бы не ты, дело бы так просто не уладилось.

То, что староста всегда покрывал Фэн Бао в Байшуйао — давно известный всем факт. Су И решил выйти и дать показания, и если бы всё снова закончилось ничем, как прежде, то, вполне возможно, впоследствии его ожидала бы расправа со стороны Фэн Бао и старухи Ма.

Но он всё равно вышел.

Чжун Мин осознал, что прежде ошибался в этом молодом гере. Тот был молчалив и сдержан, но вовсе не слаб. Его уступчивость перед семьёй Лю Ланьцао, скорее всего, и правда исходила из той самой молвы о «судьбоносной зловещей звезде», из чувства вины, которое он несёт в сердце. А вовсе не оттого, что он — мягкая хурма, которую можно мять как угодно.

— Я ведь видел, — сказал Су И. — Значит, должен был выйти и сказать. Иначе остальные наверняка решили бы, что ты не прав.

Для многих в Байшуйао Чжун Мин до сих пор был тем самым праздношатающимся лодырем, каким был раньше. Даже если все знали, что Фэн Бао — человек нехороший, они всё равно могли бы обвинить Чжуна Мина, что тот, не разобравшись, сразу полез в драку.

А может быть, в глазах этих людей истина и неправда вовсе не так уж важны. Как и тогда, когда они называли его «зловещей звездой невезения» и отовсюду гнали, — просто потому, что так говорили другие. Чжун Мин сказал, что он не звезда невезения — значит, он не звезда невезения. Каждый раз, когда Су И вспоминал эти слова, в нём будто вновь появлялась сила.

Сила идти вперёд.

Сила жить дальше.

...

— Потому я должен поблагодарить тебя.

Чжун Мин опустил взгляд на Су И. Из-за того, что стояли они слишком близко, он впервые заметил у молодого гера родинку фертильности — оказалось, та скрыта под веком правого глаза, ближе к внешнему уголку. Долго глазеть на такую отметину у незамужнего гера — это уж слишком неприлично. Чжун Мин рефлекторно провёл пальцем по носу, будто хотел прикрыть неловкость, и, сменив тему, сказал:

— Мне нужно в деревню — поскорее продать этих лобстеров. Тебе что-нибудь нужно? Могу захватить.

Он кашлянул, отвёл взгляд и слегка смущённо добавил:

— Считаю, это моей благодарностью.

<http://bllate.org/book/13583/1204994>